

И.В. Соболева

Институт экономики РАН, Москва

Реакция на кризис и стратегические риски в сфере труда

У меня есть несколько замечаний о социальных последствиях кризиса в сфере труда, прежде всего для молодежи. Она действительно сильно пострадала в ходе кризиса, и этому есть печальное объяснение. До кризиса позиция молодежи была тактически выгодна, но стратегически уязвима. Современное молодое поколение получило необоснованно широкий доступ к высшему образованию, в основном – образованию низкого качества. Отсюда – разрыв между высокими формальными характеристиками и тем, что молодые люди реально знают и умеют, отсюда – завышенный уровень притязаний к рабочим местам, к условиям труда, к заработной плате.

Но в экономике, которая в это время жирела от нефтяных доходов, возрастал спрос именно на таких работников, создавались «представительские» рабочие места, рос «офисный планктон». Как только экономика прекратила жиреть, от таких работников начали в массовом порядке избавляться. При этом работодателей ничего не сдерживает – это не дефицитные специалисты, не квалифицированные рабочие, не менеджеры высокого класса. Нет смысла их сохранять, найти им замену не составит труда. Отсюда – всплеск молодежной безработицы. Легкий хлеб закончился. Это очень неприятно для конкретного человека, но, с моей точки зрения, представляет собой положительный, оздоравливающий эффект кризиса.

Сейчас много говорят о безработице, о том, что нужно расширять программы помощи безработным и что может быть социальный взрыв. Мне представляется, что социальные опасности преувеличены. Да, есть территории и моногорода, где остро стоит проблема безработицы. Но так было и до кризиса. Классический пример – Ингушетия. Сейчас число подобных точек увеличилось, но все равно – это локальные проблемы. Не так уж страшен уровень безработицы даже в 7–8% с точки зрения непосредственных социальных последствий.

В начале дискуссии перед нами был поставлен вопрос, за счет чего можно сэкономить. Можно, например, не «размазывать» антикризисные программы поддержки безработных по всей стране. Сегодня одинаковое финансирование на эти цели получают даже те регионы, где безработица ниже естественной нормы.

Страшнее другая опасность, она связана с новым сокращением занятости в реальном секторе, – опасность окончательной утраты кадрового потенциала промышленных предприятий. Причем это проблема специфически российская (можно сказать точнее – эта проблема есть только в ряде стран постсоветского пространства). Эта проблема берет начало в 1990-х годах, когда произошел массовый отток квалифицированной рабочей силы из промышленности. За 10 лет спада с предприятий ушло среднее поколение рабочих кадров.

С 2000-х годов, когда начался подъем, предприятия стали постепенно набирать молодежь. Это было сложно, так как была разрушена система профессионального технического образования, а высшее образование стало сверхдоступным (расширились возможности «легкого» заработка вне реального сектора). Но худо-бедно процесс все же пошел. И на относительно благополучных предприятиях ситуация с рабочими кадрами мало-помалу начала выправляться. Однако осталась «демографическая яма». Типичная ситуация: есть кадровый костяк предпенсионного возраста и есть молодежь, которой ветераны по мере сил передают опыт, а среднего поколения нет. Когда начался кризис, на многих предприятиях прекратился прием молодежи. Опасность заключается в том, что если такая ситуация продлится, ни точка может оборваться: старшее поколение уйдет с предприятий, не успев подготовить смену, и человеческий потенциал российской промышленности будет разрушен окончательно.

Теперь в отношении антикризисной программы. В той части, где речь идет о сфере занятости, она, по существу, списана с западных программ. Но в развитых западных странах проблемы «демографической ямы» на предприятиях нет. Это – постсоветская, в том числе российская, специфика, это наследие наших не очень удачных реформ, о которых следует помнить при формировании программы. Наши антикризисные меры должны делать упор на сохранение и укрепление кадрового потенциала реального сектора. Это важнейший национальный приоритет!

В антикризисной программе занятости на этот приоритет работает только один небольшой фрагмент – стажировка выпускни-

ков. На нее приходится менее 3% выделенных средств. И осваиваются эти средства плохо, потому что программа трудоемкая, – с трудовыми ресурсами в службах занятости тоже дефицит. Пособия повысили, клиентов стало больше, а персонал тот же. Эти службы даже не могут безработных к себе на временную работу нанять – не положено. Вот и задыхаются, и выбирают, естественно, что проще: общественные работы, уборка территорий – по сути это та же материальная поддержка, что и пособия.

Еще один спорный компонент антикризисных мер – программа поддержки предпринимательства. В сравнении с другими предложенная программа затратная: почти 20% всех денег, 60 тыс. руб., выдаются каждому безработному, пожелавшему открыть свое дело, при условии, что он снимается с регистрации. Люди на это идут, особенно на селе. Но это – не программа развития, это – программа выживания. Причем понятно, что выживут далеко не все, кто ею воспользуется. Кроме того, малые предприятия, по крайней мере российские, – это место, где чаще всего нарушаются права работников, где не нормирован рабочий день, где нет гарантий занятости, где не контролируются условия труда и т.д. За последние годы положение в этом плане серьезно ухудшилось: увеличился разрыв в условиях занятости между малыми и крупными предприятиями. Поэтому рассчитывать на малое предпринимательство как на возможное реальное решение проблемы не стоит. И уж во всяком случае эта программа должна сопровождаться инфраструктурным обеспечением, об этом в один голос кричат все директора служб занятости. А сегодня такого обеспечения нет, и средства на него не предусмотрены.

И, наконец, последняя программа – переезд в другой город. Это просто мертворожденное дитя, списанное с западных образцов без учета культурных особенностей России, без учета настроений людей. Типичная трансплантация института, порождающая его дисфункцию. Да, действительно, на Западе население мобильнее: ездят из города в город, меняют рабочие места – и это считается нормальным. В России не так. И не только потому, что дорогое жилье, что не отработаны механизмы переезда. Менталитет другой: люди хотят жить там, где они родились и выросли. И они имеют на это право. Кроме того, если мы хотим удерживать нашу территорию, программа должна быть нацелена на то, чтобы ее обустроить, чтобы жить нормально можно было везде, в том числе и в малых городах.

Сотрудники служб занятости считают, что нужна другая программа – транспортных дотаций для проезда на работу. Чтобы человек, который живет в малом городе, мог утром уехать туда, где есть работа, а вечером вернуться, и чтобы государство компенсировало ему затраты. До кризиса транспортные расходы часто компенсировали работодатели, сейчас у многих таких возможностей нет. Вот тут бы вмешаться государству. Это – мелочь, но мелочь очевидная. Тем не менее в 2010 г. такой программы нет, хотя она остро востребована.

Поэтому последнее, на что я хочу обратить внимание, – осторожнее копировать западные образцы («они не мы») и ориентироваться на *свои* уязвимые зоны и на потребности *своего* населения. А для этого нужна обратная связь.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

С.В. Калашников

МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва

Урок социальной сфере

Нетрудно заметить, что в экспертном сообществе нет единого мнения о социальной политике России. Это и хорошо, ученые не должны иметь однозначного мнения по каждому поводу. Но должны быть некие фундаментальные положения, которые специалистами, занимающимися социальной политикой, уже не дискутируются. К сожалению, у меня складывается впечатление, что в отличие даже не от естественных, а от общественных наук в области социальной политики устоявшихся по-

зиций нет. Не могу я согласиться, например, с тем, что государство не является главным субъектом социальной политики. И хочу задать вопрос, а кто является таким субъектом. Гражданское общество? То есть относительно небольшие социальные группы, претендующие на защиту своих узкогрупповых интересов? Да, они, безусловно, игроки. Но никак не ведущие. Равнодействующая социальная политика, безусловно, остается за государством. Это первое.